

Оборотень и Людоед

Маркус Агирре

Когда он был гиеной, то мог не думать о том, что произошло несколько дней назад. Когда он был человеком, то страх съедал его душу, выворачивал наизнанку, пугал, и он не знал, что делать. Он ударил противника в голову и убежал. Он не знал, что стало с этим человеком, но через несколько дней вернулся к этому месту. Там уже были люди. Маркус лежал в кустах недалеко и слышал, что говорил человек. Он звонил отцу и говорил не очень приятные вещи. Он представлял, как отец на этоотреагирует. И он боялся, что кто-то узнает, что это за человек и что его тогда посадят за решётку.

Если он признается, что это он убил того человека, то отец ничем не сможет ему помочь. Потому что отец хоть и богат, но не всесилен. И вот такие ошибки он прощать не будет. Потому что наличие сына, к тому же убийцы, сильно повредит его репутации. Да и сам Маркус боялся думать о том, что убил человека.

Но когда он находился в зверином теле, а теперь гиеной он мог находиться несколько дней, ему было комфортно. Среди животных нет таких проблем, и он оттачивал свои навыки, охотившись со стаей, совершая набеги на львов, и уходя из саванны только чувствуя, что время превращения заканчивалось. Он нашёл пустующий домик и ночевал там, чтобы не было холодно, так как ночи в Африке достаточно холодные. А потом снова возвращался в стаю.

Он не знал, сколько сможет просуществовать так, но возвращение в человека давалось ему тяжело. Привычная боль, которая никуда не девалась после превращения, дополнялась тяжёлыми мыслями о том, что он убийца. Он хотел быть кем угодно, но не убийцей. Он был трусом, подонком, ничтожеством, но до этого момента он ещё никогда никого не убивал.

А ещё ему, если он был человеком, было страшно, что он не может ни с кем поговорить.

Рикардо Агирре

Мотидзуки-сан согласился помочь ему в поисках Маркуса, и Рикардо, понимая, что делает он это из-за Яреци, которая переживала за них, пытался разобраться со всеми делами быстрее. Ему не хотелось напрягать человека, которому Кения, да и сам африканский континент совершенно не понравилась. И он был благодарен Тору за поддержку. Он вспоминал свои страхи и отчаяние, когда стоял напротив стола с погибшим человеком. Ему было стыдно за свою слабость, и он был благодарен Тору, который по большей части молчал.

Он запросил вскрытие, и через два дня получил ответ, что этот человек умер от укусов животного. Скорее всего, он был жив, но почему-то лежал. За время обследования города с его ночными клубами и отелями Рикардо понял, что Маркус нашел себе компанию, а потом что-то случилось. Вероятно, он поссорился с кем-то.

- Что же там произошло? - Спросил он, глядя с окна джипа, который отвозил их к тому месту, где был обнаружен труп.

- Хотел вам сказать, - Чарльз посмотрел на него в зеркало заднего вида. - Со дня на день должны начаться дожди. Я надеюсь, что вы успеете разобраться. Боюсь, дороги около того места, где мы нашли того парня, будут размыты.

- Хорошо, - поморщился Рикардо. - Нам еще что-нибудь надо знать?

- У вашего друга есть прививки? - Рикардо кивнул. - Будьте осторожны.

- А что с животными, которое поело труп? - спросил он чуть погодя, снова посмотрев в окно.

Они проезжали мимо стада антилоп гну, которые вальяжно развалились на земле и жевали траву. Два молодых самца бодались, маленькие телята бегали. Недалеко на дереве сидели птицы, а чуть дальше, у линии горизонта, были гиганты слоны. Рикардо показал Тору на эту идиллию и достал из кармана телефон. Сделал пару снимков и вернулся к разговорам. К тому же со стороны Тору тоже было интересно. Там был прайд львов, жирафы и газели. В животном мире царит идиллия, и когда хищники сыты, они просто гуляют рядом с травоядными и не представляют угрозы.

- Судя по характеру ран, это был предположительно лев. Недавно в соседнем заповеднике пропало несколько людей, предположительно там появился лев-людоед.

- У вас здесь есть людоед, а вы так просто об этом говорите?! - Спросил Рикардо, поморщившись. - Да вы... - он не стал ругаться, поняв всю бесполезность этого, и вздохнул.

- Мы скоро приедем, но я совершенно не знаю, что нам делать. Мне сейчас сказали, что предположительно здесь есть людоед. Это плохо, - сказал Рикардо. - Нам придется остаться одним, Чарльзу надо вернуться на базу, - сказал мужчина, выходя из машины. - Если... у вас еще есть время отказаться, Мотидзуки-сан.

Тору Мотидзуки

Омерзительная жара и отсутствие у него оружия, которое, по понятным причинам, Тору не стал брать с собой в путешествие - вот два фактора, которые превращали для него поездку на джипе к месту, где было найдено тело, в настоящую пытку. Поэтому разговор Рикардо и Чарльза мужчина слушал краем уха, считая эту информацию для себя не слишком принципиальной. Как и игнорировал местное зверье, если не видел в нем угрозу. Что касалось наблюдения за животными, ему вполне хватало редких походов в зоопарк, поэтому ничего приятного и занимательного он в их поездке не видел, занимая свой мозг прекрасными картинками избиения мальчишки, из-за которого ему приходилось заниматься всякой ерундой. Естественно, дальше фантазий Тору бы не зашел, не имея обыкновения разбираться с теми, кто его слабее, но подобное времяпрепровождение позволяло хоть немного отвести душу, чтобы не начать срывать свое раздражение на спутниках.

- Прекрасно, - протянул Тору. - А вы будете бегать в гордом одиночестве, отбиваясь от людоедов? - Он скептически покачал головой. Вся эта затея с каждой минутой, касалась ему все большей глупостью, отнимающей время и заставляющей их рисковать понапрасну. - А как мы вернемся обратно? Или вы надеетесь, что нас съедят и об обратной дороге думать не придется?

Если первую пару дней Тору еще старался сдерживаться, то сейчас уже просто не находил в себе силы для вежливых и корректных высказываний, которые, по идее, он должен был делать в отношении человека, заметно старше его по возрасту.

Маркус Агирре

За два дня до появления Рикардо и Тору

С рассветом в стае начались волнения. Альфа-самка, Маркус про себя ее прозвал Нарита, волновалась. Разведчики доложили, что на территорию залезли враги, а ветер донес запах огня. Засушливый сезон нередко заканчивался пожарами, который вынуждал стадных животных убегать в поисках корма, а хищников, которые были привязаны к месту, либо убегали за ними, либо им приходилось вторгаться на территорию противников. Сейчас был один из таких случаев, и Маркус поклонился предводительнице, говоря, что тоже пойдет на "разборки". Клан его принял почти без проблем, не было даже грызни и страха. Наверное, гиены признавали в нем человека, а ведь двуногие являются самыми опасными хищниками в мире.

Но Маркуса отправили на охоту, так как он зарекомендовал себя прекрасным охотником. Молодой человек направился вместе с другими охотницами искать пропитание. Засуха уводила стадных животных все дальше, они тоже страдали, были тощими и голодными, и мясо у них было не вкусное и жесткое. Но гиены не были гурманами и могли есть все, что попадаетеся им на пути.

Маркус Агирре

После человека главным врагом гиен был лев. Эти ленивые плотоядные одним ударом своей лапы могли убить гиену, и поэтому гиены старались связываться только с львицами, которые были слабее самцов и не выносливее самих гиен. Маркус один раз попробовал мясо льва, и оно показалось ему достаточно вкусным. В принципе, он как-то участвовал в пиру, где они доедали своего сородича - старую гиену, и это мясо показалось ему вкусным.

Пока разведчики изучали обстановку и готовились к войне, Маркус и несколько хороших охотниц, в том числе и альфа-самка, направились на восток, где паслись антилопы. Сегодня им нужна крупная добыча. Они несколько дней сидели голодными. А завтра пойдут дожди, и скоро начнется настоящий пир.

Жаль только, что завтра Маркусу снова придется стать человеком и уйти в логово людей. А потом он вернется к стае.

Они следили за крупной добычей. Маленький теленок и его мама показались самой уязвимой добычей, и Нарита подала знак, что можно охотиться. Маркус вместе с

самками побежал к антилопам. Вожак заволновался и побежал, и все стадо побежало за ним. Гиены отделили антилопу с детенышем от стада и погнали в другую сторону. Запах страха будоражил сознание, вытаскивал первобытные инстинкты, и Маркус отдался им. Его движения были стремительными, и он, убивший немало животных, не чувствовал никаких угрызений совести. Он гнал теленка, а остальные пытались загнать мать.

Острые челюсти сомкнулись на задней ноге теленка антилопы гну, и во рту появилась эта чудесная и теплая кровь. Теленок упал, и гиена, отпустив свою добычу, подошла к нему и вонзила свои острые клыки в шею, переламывая хребет. С теленком было покончено. Неподалеку сородичи убили и мать несчастного теленка, и Маркус, взяв свою добычу в зубы, поспешил к общему пиру.

Нарита оторвалась от пира и посмотрела на него. Он прижал уши и низко опустил голову, показывая свое почтение и подчинение. Альфа-самка кивнула и отошла, давая ему возможность присоединиться к пиру. Это был первый раз, когда он ел в числе первых. Обычно он охотился, а потом уходил в логово. И приходил вместе с другими гиенами, которые находились в самом низу иерархической лестницы.

Маркус Агирре

Назревала война. Нарита выступила в поход, и Маркуса взяли с собой. Он бежал позади, показывая покорность и полное подчинение. Он не был уверен, что ему дадут что-то сделать, но он старался приносить пользу своему клану. Здесь он был нужен, и он старался делать все возможное, чтобы приносить им пользу.

Враги пировали. Они слишком поздно заметили присутствие хозяев территории. Сначала они пытались унести добычу, а потом побежали сами. Маркус и еще пара самок побежали за одним молодым самцом, который был наглее остальных. Гиены могут развивать скорость до шестидесяти километров в час, бежать на длинные дистанции и тем самым выматывать свою добычу. С самцом из вражеского клана получилось примерно то же самое. Он оказался загнанным в "угол" и упал на землю. Из пасти вырывался лай, показывающий, что он во-первых, боится, а во-вторых, признаёт, что не должен был нарушать чужую границу. Самки клана Нариты напали на него, и Маркус присоединился к ним. Самец пытался кого-то укусить, рычал и подавал голос, а нападавшие не щадили его. Маркус пару раз укусил своего противника за нос, и тот впился ему в переднюю ногу. Маркус зарычал, а потом отошёл от соперника и посмотрел на ногу. Из раны сочилась кровь, и он быстро убежал в сторону заброшенного дома, в котором скрывался те дни, пока влачил жалкое подобие человека...

Маркус Агирре

Это превращение оказалось мучительнее прежних, и Маркус застонал от сильной боли в руке. Немного выше запястья была рана, но при внешнем осмотре Маркус не обнаружил никакой опасности. Промыв рану бутилированной водой, он полил её спиртом, чуть не потерял сознание от сильной боли, а потом кое-как перевязал бинтом, который нашёл в одном из своих предыдущих здесь появлений. Дом был заброшен не так давно. Здесь оставалась еда и одежда людей, которые здесь жили. Что с ними случилось - Маркус не знал, но предпочитал думать, что они просто ушли. Спирт впитывался в дощатый пол, а запах распространялся по помещению.

От него закружилась голова, и молодой человек сел на пол в углу, согнув ноги в колени и обхватив их руками. Прикрыл глаза и почувствовал головокружение.

К утру повысилась температура, и он с большим трудом добрался до аптечки и нашёл целую упаковку аспирина. растворил в воде, потом выпил и снова посмотрел на повязку. Она пропиталась кровью, и он осторожно снял бинт. Рана воспалилась, но гноя не было. Снова наложив повязку, он лег на кровать и укрылся одеялом, чтобы немного поспать. Было страшно, что он может погибнуть здесь. Было страшно, что он так и не стал никому нужным. Одиночество его убивало, но он сам себя сделал таким.

Гиены умеют разговаривать. Они переговариваются, думают, у них есть мышление, и они действуют согласно логике. Маркус "разговаривал" с ними и однажды узнал, что один альфа-самец их клана, которого они как-то доедали на обед, пролежал с серьёзными ранами почти месяц и выжил. Рана Маркуса для гиены была не такой опасной. Да, ему пришлось бы очень тяжело, если бы он был не в клане, но и гиены, вопреки всем представлениям, заботятся друг о друге. Тому самцу приносили еду.

Но Маркус был человеком. И эта рана могла быть для него опасной. Особенно с учётом отсутствия необходимой помощи и вообще хоть кого-то. Нужно было справляться самому, и молодой человек, отоспавшись ещё один день, съел какую-то еду и почувствовал, что может снова превратиться. Кто знает - может у него эта рана заживёт быстрее, если он будет гиеной.

Он вышел из дома и отошёл на несколько шагов. Снова была привычная боль, но она достаточно быстро исчезла. Он осторожно наступил на лапу. Боль была не такой острой, и он побежал.

Рикардо Агирре

Спутник согласился с ним остаться, и Рикардо вздохнул. Забрал у Чарльза рацию и сигнальный пистолет.

- В двух километрах туда, - Чарльз показал на юго-восток, - есть хижина. Гиен видели чуть выше. Несколько дней назад по саванне прошёлся огонь, и у гиен началась война. Засуха и огонь - главные враги животных. Но вроде всё уладилось.

- Хорошо, спасибо, Чарльз. Я... - Рикардо посмотрел на Тору, а потом вернул своё внимание к Чарльзу, - надеюсь, что всё будет хорошо. Маркус... он должен справиться. И... подготовьте мне полный отчёт о том трупе.

- Машина приедет завтра. Вы точно справитесь? - работник заповедника скептически посмотрел на Рикардо и его недовольного спутника.

- Там мой сын. Он может быть в опасности. Я не имею права не справиться, - холодно сказал Рикардо.

Чарльз уехал, оставив их одних. Тору перестал быть молчаливым и сорвался. Мужчина не осуждал его. Ему самому было неприятно от всей этой операции. Но кроме Чарльза никто не знал о способности сына. Это могло кончиться тем-то не

очень хорошим. И Рикардо, как отец, пусть и ужасный и неправильный, должен был сделать всё возможное, чтобы его сын не пострадал. Он понятия не имел, как можно будет его отличить от других гиен, но что-то ему подсказывало, что он узнает его.

- Вы боитесь, Мотидзуки-сан? - После недолгого молчания проговорил сеньор Агирре. - Давайте мы сначала дойдём до дома, а потом разберёмся, что нам делать? Я обещал Яреци, что верну вас в целости и сохранности, а обещания я свои привык выполнять. Я не виню вас, что вы меня осуждаете, просто... спасибо вам, что вы согласились.

Рикардо ещё тогда, в самолёте, пообещал себе, что сделает всё невозможное, чтобы Мотидзуки не пострадал. Хотя бы потому, что тот вообще не обязан быть с ним. Наверное, Тору действительно сильно любил Яреци, что поехал сюда. По крайней мере, Рикардо на их свадьбе видел то, чего не видел на свадьбе Лауры и Морриса. Не было у его сестры в глазах любви. Отец был раздражён. Мать вообще не приехала на свадьбу, хотя он знал, что Лаура просила её приехать. Наверное, она не пошла туда из-за него.

- Первый раз я побывал в Африке сорок с небольшим лет назад, - начал говорить Рикардо, понимая, что Тору не будет его слушать. Наверное, надо было просто заткнуться, отвезти Тору в дом, попросить его подождать и быть на связи с Чарльзом. А самому "бегать" от людоедов. - Меня послали с моим наставником на переговоры с правительством Кении. Мы тогда спонсировали "ветряной проект". И после переговоров мы отправились на сафари. Туда, в джунгли. Смотреть на горилл. И там я получил малярию. Никто не думал, что я выживу.

Он замолчал и хмыкнул. Некоторое время они шли в молчании. Рикардо смотрел по сторонам, и в какой-то момент ему показалось, что за ними кто-то наблюдает. Он поморщился.

- Вам не кажется, что кто-то идёт за нами? - Спросил он тихо. Впереди показались очертания домика, но он его пока не заметил.

Тору Мотидзуки

Чем больше Тору узнавал подробности этой, так называемой, операции, которыми ранее так и не соизволил поинтересоваться, тем больше жалел, что вообще в это ввязался. Продумано все было где-то на уровне детского сада, раз дядя Яреци планировал в одиночку или в его компании шляться без оружия среди дикого зверья в поисках своего бестолкового сына. С учетом обстоятельств Тору уже сильно бы не расстроился, сожри мальчишку кто-нибудь из местных "людоедов", хотя он бы совсем не удивился, умри несчастное животное вскоре после этого от отравления. Но, дав согласие помочь Рикардо в его поисках, гордый японец уже не мог отказаться от своего слова, пусть и был против всего происходящего.

- Я здраво оцениваю ситуацию и поэтому опасаясь. - Тору не стал озвучивать, что думает по поводу обещания дяди Яреци вернуть его жене в целости и сохранности. Если тот собирался бы сделать нечто подобное, то привел с собой вооруженных опытных людей, а не лез искать приключения на все выступающие части тела.

Большую часть рассказа Рикардо Тору, естественно, пропустил мимо ушей, как и практически любую информацию, которую не считал полезной, поэтому предпочел проводить дорогу в молчании, не желая сотрясать воздух бесполезным шумом, ровно до того момента, как ему не задали серьезный вопрос.

- Видеть я никого не вижу, а нехорошее предчувствие у меня с того момента, как мы вылезли из машины. - Тору внимательно посмотрел по сторонам, но, не обнаружив ничего подозрительного, снова сосредоточился на дороге. Очень скоро они добрались до небольшой хижины, в которую Тору зашел первым, первым делом оценивая обстановку.

- Здесь недавно кто-то был, - сообщил он своему спутнику. - Посмотрите, нет ли тут чего-нибудь, указывающего на вашего сына.

Сам Тору тоже принялся внимательно исследовать хижину, надеясь найти хоть какую-то подсказку, способную сократить время его пребывания в этом отвратительном месте, коим он считал заповедник, да и, если не мелочиться, всю Африку.

Маркус Агирре

Через несколько часов после превращения началось головокружение, и Маркус остановился и лег на землю. Обещанного дождя все еще не было, и он стал лизать свою лапу. В облике гиены рана была болезненной, в облике человека - невыносимой. Больше всего он боялся, что рана загноится, начнется сепсис, потом рука отвалится и он станет инвалидом. Кому он будет тогда нужен? Инвалид с одной рукой. Он и здоровый никому не нужен.

Он был человеком, а потом уже гиеной. И он не мог постоянно быть в облике своего зверя. Теперь, прожив с гиенами несколько месяцев, он понимал, что сильно заблуждался, боялся непонятно чего. Гиены жили дружно, и здесь, в клане Нариты, у него появилась настоящая семья. Старшие товарищи помогали ему адаптироваться, он оттачивал свои навыки, и он был счастлив. Потому что здесь не было лести, ненависти, зависти. Здесь не было денег, из-за которых люди ненавидят и убивают друг друга.

К нему отношение было другое. Наверное из-за того, что он был человеком, его подсознательно боялись. Но другим самцам и самкам, которые хотели войти в стаю, было тяжело.

...Какой-то шорох привлек его внимание, и он поднял голову. Потом раздались голоса, и он поднялся. Отец? Что он тут делает? Зачем он пришел сюда? Но шорох повторился, и Маркус увидел мелкнувший в зарослях хвост. Шерсть на загривке поднялась, из пасти вырвалось тихое рычание. Немного подумав, Маркус направился следом за львом. Нога болела, и он прихрамывал...

Рикардо Агирре

Сеньор Агирре почти всю свою жизнь носил костюмы, но сейчас он ограничился джинсами и футболкой. В таком облачении было непривычно, и он чувствовал себя

уязвимым. Он следом зашел в домик и осмотрелся. На полу валялся окровавленный бинт, и мужчина поморщился. Он грустно вздохнул и сел на один из стульев.

- Да, здесь кто-то был. Кажется, кто-то был ранен, - его голос дрогнул. - Я пойду осмотрюсь.

Он, отдав рацию и сигнальный пистолет Тору, вышел на улицу. Сгущались облака, скоро должен начаться дождь. В воздухе чувствовалось приближение грозы. Воздух был тяжелым. И было душно.

Он прошел немного вперед и остановился около дерева с раскидистыми ветками, на котором сидели птицы. Мужчина стал их рассматривать. Неподалеку паслись антилопы гну, и он засмотрелся на них. Стадные животные паслись совсем близко от него и не обращали на него внимания. Человек не представлял для них опасности. Какой-то отважный теленок направился к нему, с любопытством в глазах рассматривая незваного гостя. Это было настолько красиво, что он забыл об опасности. А опасность не заставила себя долго ждать. Из кустов вышел лев. Он был тощий и худой, и взгляд у него был очень странный. Рикардо почувствовал прилив паники. На футболке в области подмышек образовались мокрые пятна, спина вспотела, сердце пропустило удар. Лев сделал несколько шагов к человеку и припал к земле. Подернул ушами и тряхнул своей гривой. Рикардо сглотнул и обернулся. Домик был далеко, до него он не успеет убежать. Он не знал, что делать, и медленно попятился к дереву. Наступил на ветку, поскользнулся на ней и упал. Отполз к дереву и полными ужаса глазами посмотрел на льва, который оказался слишком близко к нему. Опасный хищник оскалился и поднял свою лапу с когтями, готовясь нанести удар. Рикардо зажмурился.

Птицы с криком слетели с дерева, а антилопы убежали. Это означало, что здесь прольется чья-то кровь...

Маркус Агирре

Гиена шла за львом на безопасном расстоянии. За кустами показалось дерево с птицами, недалеко паслись антилопы того стада, на которое они недавно напали. И все было хорошо. Только лев его смущал. Потому что львы не охотятся. Значит, это был не просто лев. Он слышал байки про людоедов, но считал их всего лишь байками. До тех пор пока не увидел отца.

Отец полулежал около дерева, а лев пытался ему нанести удар по лицу или вспороть своими острыми когтями живот. Второе было более вероятным, и Маркус, забыв о боли в передней ноге, побежал ко льву и впился зубами в его круп. Лев обрушил удар на человека и потерял интерес к нему, хотя, как увидел Маркус, он не причинил отцу сильную боль, порвав только его футболку и задев кожу на груди. Лев лапой отбросил гиену от себя и зарычал. Маркус мотнул головой и встал. Он понимал, что один не сможет справиться с этим хищником, но подмоги было не от куда ждать. Он должен был принять этот бой.

Лев рвал и наступал. Гиена пятилась назад, пытаясь продумать тактику. Лев снова нанес удар лапой по морде Маркусу. Гиена набросилась на соперника. Она лаяла и смеялась, но смех этот был не такой ужасный как смех той же Нариты. Боль сводила

с ума, а где-то в сознании распространялся страх, что это последние его часы жизни.

Соперники сцепились и повалились на землю. Кругом были смех и рычание, кровь застилала глаза и будоражила сознание. Высохшая земля поднималась вверх, опускалась на них, антилопы вносили коррективы в их бойню. Внезапно начавшийся дождь внес коррективы, и лев на мгновение потерял контроль. Гиена воспользовалась этим и вцепилась своими клыками в его шею. Лев зарычал и стал мотать головой, пытаясь скинуть гиену, пытался ее укусить, и каждое его движение сильнее смыкало челюсти зверя. В рот брызнула кровь, а лев, обезумевший от боли, убежал в саванну, неся на себе гиену, которая не хотела его отпускать.

В этой битве оба получили страшные ранения. Лев истекал кровью, да и у гиены были раны. Бежали они недолго. Вскоре лев упал, и Маркус окончательно сомкнул свои челюсти на бездыханном животном. Потом отпустил его и потрянул головой. Вернувшись в человеческое обличие, он встал на ноги и затуманенным взором осмотрелся. А потом тяжело рухнул на землю, потеряв сознание...

Рикардо Агирре

Все происходило достаточно стремительно. Рикардо никогда не сталкивался с такой опасностью, и поэтому страх парализовал его. Он дернулся, когда лев зарычал и ударил его. В груди почувствовалось жжение, и он открыл глаза и сел. Прислонился к дереву спиной и подтянул к себе ноги. Почему-то сейчас казалось, что если он станет незаметным, то ему ничего не будет. Да, надо исчезнуть.

Ему было страшно и больно. И хоть раны были не такими серьезными, как предполагалось ранее, он почувствовал, как кровь ползет по его груди и животу и скапливается на ремне джинсов.

В какой-то момент раздался леденящий смех гиены, и он открыл глаза. Была драка, в результате которой оба соперника скрылись в саванне. Их закрывала высокая трава.

- Маркус... - прошептал мужчина и задрожал. Сознание было какое-то спутанное, и он снова закрыл глаза.

Тору Мотидзуки

Хотя странные суицидальные наклонности Рикардо Агирре, заставляющие того в одиночестве бродить по округе, Тору совершенно не нравились, на этот раз он не стал останавливать дядю Яреци в его стремлении выйти из домика. Сам же он предпочел потратить имеющееся время на что-то более полезное, вроде дальнейшего изучения следов, оставленных находившимся там недавно человеком. И пусть ничего проливающего свет на его личность Тору так и не обнаружил, ему на глаза попало несколько полезных вещей, вроде той же аптечки, которой, вероятно, кто-то пользовался незадолго до этого.

Не успел Тору прошарить по всем углам, как его внимание привлек подозрительный шум, навевающий нехорошие подозрения. Сломая голову, мужчина выбежал из хижины, пытаясь определить его источник. К тому моменту, как он стал свидетелем

происходящего, кровавая драма уже успела разыгаться, заставляя его ненадолго притормозить, чтобы и самому не попасть под острые зубы и когти. Если когда Тору и видел подобную драку, то только в документальных фильмах о живой природе, хотя, как ему помнилось, сражение гиены со львом ему приходилось наблюдать впервые. Пусть гиена, как он сразу догадался, была совсем себе не рядовым диким зверем, а одним его хорошим знакомым, в очередной раз влипшим в серьезные неприятности.

Возможно, не имей Тору, что терять, ему бы хватило безрассудства броситься в сторону дерущихся животных, чтобы оттащить с поля боя Рикардо, но в Пекине его ждали Яри и Кимико, так что прежде чем броситься к пострадавшему, мужчина дождался, пока лев и гиена в своем смертельном танце унесутся на приличное расстояние и только после этого, подбежал к своему невезучему родственнику.

- Постарайтесь мне не мешать, - Тору потянул Рикардо на себя, стараясь "оторвать" его от дерева, к которому тот прилип, чтобы претащить в хижину. Сердце стучало как сумасшедшее, поскольку Тору прекрасно понимал, всю рискованность этого предприятия, но ему ничего не оставалось, как взять себя в руки и собраться, понимая, что сейчас именно он является самым дееспособным и разумным звеном одновременно.

Рикардо Агирре

Сознание уплывало от него, тело пробивала мелкая дрожь, и он приготовился к худшему. Раны болели, а может быть ему так казалось. Он был напуган и совершенно не представлял, что надо делать. Сейчас этот сильный мужчина, который олицетворял собой власть, казался самому себе маленьким ребенком, который попал в опасную для себя ситуацию и совершенно не представляет как из нее выбраться.

Голос Тору раздался сначала далеко, а потом оказалось, что он был очень близко. Он мотнул головой и встал, хотя нельзя сказать, что сделал это сам. Почувствовав под ногами твердую почву, мужчина посмотрел туда, куда скрылись обезумевшие от боли животные.

- Пустите, - Рикардо слабо попытался вырваться, чувствуя, что футболка прилипает к ранам, отчего было жжение. - Пустите меня. Там мой сын!

Но Тору держал его крепко. А может это сам Рикардо, почувствовав внезапную слабость, не сильно-то и старался вырваться. Он закрыл глаза и опустил голову. Было страшно. Страх липкими ручками сковал его тело и сознание, а перед глазами возникло воспоминание из морга. На том столе лежал не его сын. Но сейчас...

Он дернулся и ощутил прилив агрессии. Он не может потерять сына. Он не может просто так сидеть здесь, пока сын пытается бороться за право жизни здесь.

- Отпустите меня! - Прошипел мужчина. - На что вы готовы пойти ради спасения своего ребенка, Мотидзуки-сан?! Вы будете просто стоять и смотреть, как ваша дочь пытается выжить? Да пустите же!

Он попытался замахнуться кулаком на Тору, но очень тяжело это сделать, когда ты слаб и тебя держат...

Тору Мотидзуки

Кое-как он поднял Рикардо на ноги, но тот, вместо того, чтобы послушаться и перестать мешать, начал вырываться, словно у него были хоть какие-то шансы. Даже если не брать в расчет, что сеньор Агирре получил несколько ран, он был заметно старше и слабее, поэтому от его жалких попыток Тору легко мог отмахнуться, хотя успокаивать одуревшего от страха немолодого мужчину он назвал бы последним делом, за которое стоит братья.

- Не будьте идиотом, там сейчас нет вашего сына. Есть только парочка безумных зверей. Вы ничем не поможете Маркусу, только сами погибнете!

Упоминание Кимико заставило Тору недовольно поморщиться. Наверняка он не смог бы рассуждать разумно, окажись его дочь в опасности, но, к счастью, сейчас его малышка находилась дома с матерью, поэтому он мог не волноваться за ее жизнь и не тратить время на опасные эмоции.

- Не надейтесь. - Голос Тору звучал твердо, хотя ему стоило огромных трудов не сорваться, когда Рикардо попробовал полезть на него с кулаками. - Никуда я вас не отпущу.

Он уже предвкушал, как ему придется тащить упрямого мужчину через силу, но тут его взгляд, направленный оценить ситуацию, зацепился за появившуюся вдали человеческую фигуру, вскоре рухнувшую на землю. И, не увидев рядом льва или услышав подозрительные звуки, Тору решился проверить, в каком состоянии человек, наверняка являющийся вернувшимся в свое тело Маркусом.

- Похоже, он превратился обратно. Ждите здесь или двигайтесь к хижине, если сможете, а я сейчас проверю. - Мужчина прислонил своего временного противника к дереву и направился в сторону, где должно было лежать тело, в любую секунду готовясь рвануть обратно, если почувствует для себя реальную опасность.

Рикардо Агирре

- Там - мой - сын! - С болью и ненавистью в голосе прошипел мужчина, глядя на Тору. С одной стороны он должен был понимать, что там опасно, что действительно нужно направиться к хижине, связаться по рации с Чарльзом и переждать дождь, который шёл слишком монотонно и нудно, что его не заметили.

Это с одной стороны. Со стороны здравого смысла, которого сейчас в мужчине почти не было. Ему было страшно. Не за себя и не за Тору, который теперь разгребал все проблемы, хотя спокойно мог остаться дома со своей семьёй. Ему было страшно за Маркуса.

- Это для вас он безумный зверь. А для меня это сын. Гиена не будет просто так нападать на льва. Лев для гиены не представлял никакой опасности. Он... - Рикардо замолчал и направился следом за Тору, срываясь на бег. Сердце колотилось в груди, голова кружилась, но он уже не чувствовал боль в своей груди. Ему было

страшно.

Недалеко в кустах лежали Маркус и окровавленный лев. Животное не дышало, и ему показалось, что Маркус тоже не дышал. Рикардо упал на колени перед сыном и осторожно прислонился пальцами к шее. Маркус был жив, и мужчина облегченно вздохнул. С трудом поднялся на ноги и взял сына на руки. Было достаточно тяжело, голова закружилась, его пошатнуло, но он должен был сам отнести своего ребёнка в хижину и оказать ему максимальную помощь. Потому что он был упрямым стариком. И потому, что для него Маркус оставался сыном. Даже если бы он был гадюкой, то он для Рикардо не был бы зверем.

Тору Мотидзуки

Все попытки Тору вразумить упряма, не желающего слушать голос разума в его лица, так ни к чему и не привели. Рикардо продолжал упорствовать, и уже и без того разозленный Мотидзуки, чтобы не вспылить, решил просто не обращать на него внимания, приняв, что каждый человек имеет право на самоубийство, пусть и в достаточно изощренной форме. Так что к месту, где должно было лежать тело, мужчина отправился не оборачиваясь и не проверяя, идет ли обезумевший отец ходячей неприятности за ним следом. Тем более, очень скоро ему стало не до сеньора Агирре, поскольку он обнаружил сразу два тела, одно из которых было телом льва.

Ненадолго Тору замер, пытаясь определить состояние животного, и, только убедившись, что тот не дышит, наклонился над заметно ободранной мальчишкой. Тот в отличие от своего недавнего противника каким-то чудом оказался жив, но оценить все его повреждения Тору так толком и не дали, поскольку следом за ним над телами склонился Рикардо, чье поведение напрочь уничтожило все благие намерения и желание сохранять хотя бы внешнее спокойствие.

- Да вы правда идиот! - не удержался Тору, в разы увеличивая громкость своего голоса, когда его очередной странный родственник взял сына на руки. - Хотите сдохнуть с Маркусом на пару, совершая акт запоздавшей родительской любви? Если бы вы не упрямылись, а бы перенес его намного быстрее, а еще мне не пришлось бы тащить вас, когда совсем ослабнете. Но, конечно, намного лучше потерять время и дать мальчишке умереть от потери крови, пока вы играете в заботливого папочку, пытаясь компенсировать потерянные годы.

На самом деле Тору сильно сомневался, что раны Маркуса были столь опасны, что тот мог умереть чуть ли не в любую минуту, но Рикардо настолько его разозлил, что он просто не смог удержаться от небольшого эмоционального преувеличения, выросшего, естественно, не на пустом месте.

Рикардо Агирре

Мужчина не обращал внимания на Тору, который стал кричать. Он не осуждал его, хотя не понимал, чего тот кричит. Его не принуждали сюда отправиться. Рикардо не привязывал его наручниками к креслу самолета, чтобы тот прилетел сюда. Не связывал, чтобы он остался здесь. Ему помнилось, что он, наоборот предложил Тору уехать.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на окровавленное лицо сына. Маркус безвольно висел на его руках и казался легким. Мужчина на секунду остановился и мотнул головой. Стало больно, и он, сделав несколько шагов, почувствовал слабость. До хижины оставалось недалеко, но сил идти не было. Дождь начался сильнее, и обувь хлюпала по мокрой земле, взбивая ее. Он, сделав несколько шагов, остановился и упал на колени. Поморщился от боли и закрыл глаза. Потому что захотелось закрыть глаза.

Маркус Агирре

Сознание возвращалось медленно и было каким-то тяжелым. Сначала ему стало мокро и холодно от того, что одежда прилипла к его телу. Потом в сознание вторглись голоса, и он шевельнулся. А потом ему показалось, что он резко полетел куда-то вниз.

Он открыл глаза. С неба капали капли дождя, противного и холодного, а в воздухе, тяжелом после долгих дней засухи, разбавленным легкой свежестью дождя, ощущалось присутствие человека. Даже двоих. Маркус носом втянул воздух, пытаясь распознать, что это за человек, а потом вспомнил, что перед тем как отрубиться, он снова стал человеком. Он закрыл глаза и вспомнил, что произошло. На отца напал лев. Отец подверг себя опасности.

Он резко дернулся и открыл глаза. Сел, а потом постарался встать. Получилось с трудом, и он позволил себе осмотреться. Рядом с ним сидел отец, а неподалеку был Мотидзуки Тору, муж сестры. Увидев японца, Маркус побледнел. Но тот не представлял для него никакой угрозы. Пока.

- Отец? - Маркус присел на корточки перед отцом и положил руки на его плечи. - Зачем ты поехал сюда?! Ты мог погибнуть! Ты... ты дурак! А если бы я не успел? А если бы он тебе нанес серьезные травмы? Лев ударом лапы может убить.

Маркус не почувствовал, как сорвался на крик. По лицу потекли слезы, смешиваясь с дождевой водой и кровью. Он тряс отца за плечи.

Тору Мотидзуки

Как Тору и предполагал, ничем хорошим попытка Рикардо дотащить своего сына до хижины самостоятельно не закончилась. Очень скоро мужчина упал на колени, практически роняя свое потрепанное чадло на землю и, судя по его позе, не имея никаких сил как-то эту ситуацию исправить. Но вмешаться Тору снова не дали, поскольку глаза разлепил Маркус, показывая, что он еще очень далек от перехода в иной мир. Даже больше, вместо того, чтобы спокойно себе умирать или хотя бы дисциплинированно истекать кровью, мальчишка решил устроить семейный скандал, словно для этого было место и время.

- Я конечно понимаю, что вам надо покричать и повыяснять отношения, - Тору терпеть не мог, когда теряли драгоценные минуты, особенно таким бездарным способом. - Но может, все, кто имеет силы идти, пойдет к хижине? А кто нет, воспользуется, наконец, моей помощью?

Что бы там Маркус или Рикардо не говорили о своих семейных отношениях, их

родство сейчас было очевидно. Особенно поражало их одинаковое нежелание реагировать на его присутствие, словно он тут находился чисто для фона, чтобы оттенять разыгравшуюся семейную драму. И, чувствуя, что подобное положение вещей вот-вот приведет его в бешенство, Тору мысленно поклялся больше никогда в жизни не связываться с людьми, носящими фамилию Агирре.

Рикардо Агирре

Сознание медленно уплывало от него, и он испугался, что оно больше никогда к нему не вернется. Все-таки в шестьдесят семь лет не стоит усугублять. Он слышал громкий голос Тору, а потом почувствовал, что его кто-то трясет за плечи и кричит. Он медленно открыл глаза и затуманенным взглядом посмотрел на Маркуса. Потом до него донесся недовольный голос Тору, и он побледнел и снова закрыл глаза.

- Я... - он постарался поймать уплывающее сознание, но ниточки, связывающие его с реальностью все рвались и рвались, оставляя его наедине с этой устрашающей бездной, из которой нельзя было выбраться. Он сжал руку в кулак, но это не помогло. Стало страшно. Неужели он останется здесь? С огромным трудом он поднялся на ноги и посмотрел на Тору. Его сильно шатало. Раны воспалились.

- Извините, - прошептал он. - Мне... я... я знаю, что вам безразличны я и мой сын. Я не принуждал вас сюда ехать. Вы могли остаться с женой и ребенком. Вы не остались. Вы... я надеюсь, что вы никогда не испытаете это. Я надеюсь, что вы никогда не будете смотреть на стол и... Да, я просто сентиментальный старик, который чуть не потерял своего сына! Вы злитесь?

Он не понимал, что говорит. Высказавшись, он тяжело рухнул на землю.

Маркус Агирре

Отец начал говорить что-то странное, и молодой человек опустил голову. Его трясло от страха и боли. А еще ему казалось, что отец сейчас сломался. На своей недолгой жизни Маркус ни разу не видел отца таким. Наоборот, Рикардо Агирре всегда олицетворял власть и силу, его все боялись, и он тоже боялся, хоть никому этого не показывал. Но сейчас, в эти самые минуты, этот человек был сломленным стариком, от вида которого у Маркуса защемило сердце. Он никогда не думал, что такое когда-то произойдет. И он не знал, что делать.

- Отец, - воскликнул Маркус, когда мужчина рухнул на землю. - Мотидзуки-сан, помогите... пожалуйста... - он всхлипнул.

Он посмотрел на Тору и сглотнул. Нужно было как-то перенести отца в хижину. Дождь становился сильнее, и резко потемнело.

Тору Мотидзуки

Тору всегда хотел научиться сохранять не только внешнее, но и внутреннее спокойствие, но, несмотря на все успехи последних лет, он так и остался далек от собственного идеала. Сильные внешние раздражители легко могли вывести его из равновесия, а очень сильные напрочь снести линию внешней "обороны", заставляя совершать импульсивные поступки и говорить то, о чем он, немного успокоившись,

мог и пожалеть. И нынешний случай как раз можно было отнести к числу последних, поскольку отец и сын Агирре, похоже, делали все, чтобы заставить его сорваться, что после эмоционального напряжения, связанного со встречей со львом, не составляло особого труда.

- Да чтоб вас, - Тору разразился японскими ругательствами, когда Рикардо сначала заявил, что его никто не заставляет отправляться с ним в Африку, что являлось правдой лишь отчасти, а потом рухнул на землю, не справившись с нагрузкой. И хоть это его фееричное "выступление" было предсказуемо, Тору просто не мог сдержать своего возмущения, поскольку о чем-то подобном и предостерегал дядю Яреци буквально несколько минут назад.

- Не переживай, я о нем позабочусь, - буркнул мужчина на слезливую просьбу Маркуса, все-таки взяв себя в руки через пару минут, понимая, что без его помощи здесь не обойдется. - А ты определись, сможешь ли двигаться сам. Если нет, то жди меня здесь.

Тору тяжело вздохнул, осознавая, что его желание оторвать две упрямые головы так никогда и не будет реализовано, не без труда поднял с земли Рикардо, несмотря на свой возраст, весящего немало, особенно сравнительно с его собственным невеликим весом, и направился сторону хижины. По дороге он вспомнил еще несколько крепких слов, но, так или иначе, дотащил упрямого отца Маркуса до места назначения, для начала просто свалив его на пол у двери и, тяжело задышал, пытаясь восстановить потраченные на транспортировку тяжелого тела силы.

Маркус Агирре

Когда японец стал громко и нервно ругаться, Маркус поморщился и глубоко вздохнул, низко и покорно опустив голову. Сердце стучало в груди, кровь, струящаяся из ран на лице, нервировала и отнимала силы. Но сейчас ему было важно самочувствие отца, который потерял сознание.

Он неопределенно кивнул на просьбу Тору не двигаться, если не сможет дойти, но подумал, что стоит рискнуть. Потому что Мотидзуки-сан не обязан с ними носиться. И если, как предполагал Маркус, муж Яреци относится к отцу уважительно, ну или относился, и поможет ему, если у того будут серьезные проблемы, то с ним, Маркусом, никто носиться не будет. Он не нужен действительно никому. Только отцу.

Ему было тяжело, но он постарался справиться сам, считая, что Мотидзуки-сан будет очень долго ругаться. Идти было тяжело, и из-за тумана не было ничего видно. Но Маркус не боялся потеряться в джунглях, так как за эти несколько месяцев прекрасно всё изучил. Только вот дождя не было еще. Как раз сейчас начинается сезон дождей. И ливень может идти не прекращаясь еще несколько дней, если не недель. И это настоящее раздолье для животных, потому что мясо антилоп становится мягким и вкусным из-за травы. Вот только дожди приносят с собой и болезни. У людей.

Он добрался до хижины и закрыл за собой дверь. Посмотрел на Тору и умылся, стирая с лица кровь. Раны были не такие серьезные, но все равно нужно было их

обработать. Но это он сделает после, когда с отцом что-то определится. Он опустил на корточки перед отцом и положил ладонь на его щеку. Кожа была горячая. Он посмотрел на раны на груди и поморщился. Они воспалились, и он глубоко вздохнул.

- Зачем ты поехал сюда?! - С болью в голосе прошипел он. - Мотидзуки-сан, я... вы... простите его, прошу вас. Я понимаю, что вы... отец никогда не надеялся на чужую помощь. Он... он же не погибнет? Он... я... спасибо, что вы не бросили его.

Маркус поднялся с пола и взял со стола ножницы, которыми разрезал футболку отца, обнажая воспаленные раны. Нужно было чем-то промыть их, а лучше связаться с Чарльзом. Но их не заберут сейчас. Драгоценное время упущено, и по этой слякоти ни одна машина не проедет. Нужно справляться своими силами и делать все возможное, чтобы Мотидзуки не оторвал им головы.

- В кладовке есть еда. В другой комнате есть кровать... - Сказал Маркус, протирая раны отца бинтом, смоченным в перекиси водорода. Сам поморщился от боли в раненой руке, но решил не подавать признаков, чтобы не злить и без того разозленного мужчину еще сильнее.

Тору Мотидзуки

На счастье Тору возвращаться за мальчишкой ему не пришлось, поскольку тот сам добрался до хижины, показывая, что особенно серьезных ран не получил, что заметно облегчало задачу. И, самое приятное, сразу начал возиться со своим отцом, давая Тору возможность решить другую важную проблему - связаться по радиации с Чарльзом и сообщить о наличии двух раненых и необходимости их скорейшей эвакуации. Мужчина мечтал как можно скорее покончить со всем этим безумием, но, прекрасно понимая, что капризная погода не позволяла покинуть домик в ближайшее время, слова о невозможности забрать их в ближайшее время принял как данность, тщательно скрывая раздражение.

- Нам остается только ждать, - сообщил он Маркусу, все еще обрабатывающему раны отца, о результатах своих переговоров. - Предлагаю, как ты закончишь, перенести твоего упрямого родителя на кровать и заняться твоим лицом. Вид у тебя тот еще. И не хотелось бы получить какие-то осложнения.

По мнению Тору, даже после заживления на лице мальчишки должны были остаться заметные шрамы, которые, вероятно, можно было убрать с помощью денег сеньора Агирре или какими-то магическими способами, о чем он сейчас решил не упоминать.

- И, скажи мне честно, это ты того парня положил?

Тору не нужно было иметь способности детектива, чтобы с, как ему казалось, достаточно высоким процентом точности реконструировать роковые события. Наверняка парочка горячих мальчишек куда-то поехала вместе, повздорила и, в итоге, подралась. Что привело к трусливому бегству одного из них и страшной смерти другого... И пусть момент для выяснения обстоятельств можно было считать не слишком подходящим, Тору хотел сразу разобраться с волнующими его вещами, чтобы определиться со своим дальнейшим поведением.

Маркус Агирре

Он краем уха слушал переговоры и понимал, что они еще несколько часов, это в лучшем случае, если не дней, что было реально, учитывая особенности тропических ливней, пробудут в этом домике. И хорошо, что был этот самый домик, ведь могло не быть и его. Хотя он сомневался, что Чарльз позволил бы отцу и Мотидзуки-сану заниматься поиском. Потому что Маркус никому не говорил, что ночует здесь, превратившись в человека после убийства...

Он поморщился и снова сосредоточился на ранах отца. Одна была слишком глубокой, да еще и воспаленной. В ней были частички грязи, и он налил в нее перекись. Кровь зашипела, а мужчина невольно дернулся. Кровавая перекись водорода стекла по боку и впиталась в ткань футболки. Маркус протер его раны новым бинтом и прислонил тыльную сторону ладони к его лбу. Он был горячий и влажный от пота. Молодой человек закрыл глаза.

- Почему? - Прошептал он. - Почему ты никогда никого не слушаешь? Зачем ты вообще сюда полез?

Но Маркус прекрасно знал ответы на свои вопросы, к тому же Тору напомнил ему об этом. Он не хотел ничего скрывать. Он и сам хотел признаться, но ему было страшно. Он попросил Тору помочь ему перенести отца на кровать и, когда тот оказался там, укрыл его одеялом и вернулся к Тору.

- Я... мы поссорились. Мы познакомились накануне в баре, а вечером следующего дня он меня нашел у входа в отель, и мы поехали сюда. Он избил меня, и просил, чтобы я показал ему своих гиен. Я не мог превратиться, но... он бы убил меня. Я врезал ему и убежал. Через несколько дней я вернулся туда.

Маркус замолчал, поняв, что говорить становится труднее из-за комка в горле. Помолчав немного и рассмотрев детально свои потертые кеды, он снова поднял голову и посмотрел на Тору.

- Я... не отрицаю, что должен был сообщить об этом, привезти того парня в госпиталь, не доводить до этого, но я... мне стало страшно. Я понимаю, что никто не испытывает страх и, вероятно, никогда не оступает, а если оступает, то сразу идет признаваться. Но... я... - снова появился комок.

Он горько хмыкнул. Он не пытался казаться самым бедным и несчастным, просто так получилось. Да, он всегда был трусом, никогда раньше не отвечал за свои ошибки и не делал ничего хорошего и правильного. Но он никогда не убивал. Он даже не думал, что может вот так просто убить. Но тот парень его избивал, и...

- Я хотел, честно. Я хочу признаться в этом. Мне страшно, что меня убьют. Мне страшно оставить отца одного, если меня убьют... я не знаю, есть ли у них смертная казнь, но... я не мог подумать, что он... приедет сюда. Мне действительно страшно, что... Я готов отсидеть столько, сколько мне дадут по закону, я готов пройти через вышку, но... неужели никто никогда не оступает? Неужели только из-за того, что я сбежал, меня теперь все будут ненавидеть? Я... знаете, я же из-за этого поехал сюда. У них все другое. Они... простите, что заставил вас слушать это и втянул вас в

это...

Он закрыл лицо руками и подавил в себе всхлип. Его трясло от напряжения, было противно, что он не смог просто спокойно ответить. Но, вероятно, сейчас что-то сорвалось, и ему необходимо было выговориться. Ведь это был первый разговор с людьми за последние полторы недели. Столько времени прошло с убийства. И он всеми силами старался сдержаться. Только не получилось. Он всего лишь жалкий человек, который только и умеет, что ныть и приносить всем проблемы.

Тору Мотидзуки

Немного зная Маркуса, Тору мог предположить, что мальчишка решит хитрить и попытаться уйти от ответственности, но тот приятно его удивил, рассказав все как есть и, тем самым, подтвердив имеющиеся подозрения. Естественно, причиной этой ситуации стали безответственность и трусость. Но, если парень искренне хотел заплатить за свой поступок, возможно, для него еще не все было потеряно.

- Любой человек может оступиться, - теперь, когда Рикардо их стараниями оказался на кровати, стоило заняться ранами Маркуса, для чего Тору указал место, куда тот должен сесть, и подвинул все необходимые средства к себе. - Но ты делаешь это так часто, что кажется, будто ходить еще не научился. Одна ошибка за другой... Надеюсь хоть эта тебя чему-нибудь научит.

Тору и самому приходилось лишиться человека жизни, но он делал это, чтобы защитить дорогих ему людей. Такую причину он мог бы понять и принять, но, в случае Маркуса, оправданий быть не могло.

- Будешь мне мешать - прибью, - сразу предупредил Тору, начиная обрабатывать раны и отмечая, что мальчишке дико повезло, поскольку при менее удачных обстоятельствах он легко мог остаться без глаза, а то и вовсе без головы. Для него до сих пор оставалось загадкой, как гиена смогла убить льва, но, видимо, здесь вмешались какие-то высшие силы, у которых Маркус по непонятным причинам ходил в любимчиках, ну или на которого у них имелись какие-то свои глобальные планы.

Маркус Агирре

- Я... готов понести наказание. Я... просто боюсь, что... если меня убьют, то он... он останется один. Кому он будет нужен? - Маркус шмыгнул носом и пересел на указанное место. - Я... я никогда не делал ничего хорошего... Я... Ай, щипет, - пискнул он и покраснел, понимая, что все это глупо. Глупо и пребывание в этом домике, и бессмысленная драка, повлекшая за собой смерть по неосторожности, и вообще его жизнь. Все это было глупо.

Он старался не мешать Тору, совершенно не понимая, почему тот решил ему обработать раны.

- Спасибо вам, Мотидзуки-сан, за помощь. Отец... он бы не справился один. Я не знал, что этот лев... я думал, что это всего лишь байка Чарльза и других сотрудников. Он... он мог убить вас... Простите...

Тору еще обрабатывал раны, и Маркус только прикрыл глаза. Как раз мужчина стал

ему обрабатывать царапину на глазу. По счастливой случайности глаз не пострадал. Хотя если ему все равно грозит вышка, то это не такое упущение. Да и вообще, кому он будет нужен?

- Вы... присмотрите за отцом, пожалуйста. Он... если... - он сглотнул, - когда он поправится, то вернется в Китай. Он... я... боюсь. Простите меня. Я... наверное, не достоин прощения...

Что-то после всего произошедшего ему стало страшно и одиноко. Но он не имел права рассчитывать на помощь или поддержку. Кое-как справившись с эмоциями, он опустил голову и вздохнул.

Тору Мотидзуки

- Об отце стоило подумать, когда по барам шлялся и сомнительными знакомствами обзаводился, - на жалобный писк Маркуса Тору скептически покачал головой. - Как ребенок, честное слово. - Ему не доставляло никакого удовольствия возиться с проблемным мальчишкой, но он чувствовал свою ответственность перед семейством Агирре, пока не передал их в чьи-нибудь надежные руки.

Напоминание о том, что лев мог его убить, заставило Тору вздрогнуть. В пылу всего происходящего он так до конца и не смог прочувствовать весь масштаб "трагедии", а сейчас, анализируя все без лишних эмоций, не был уверен в верности своих действий. Он не мог точно сказать, оправдан ли был риск, пусть он и старался не лезть под когти и зубы льва, поэтому в очередной раз напомнил себе в первую очередь думать о своей семье, оставшейся в Пекине, которой без него пришлось бы очень непросто.

- Ну уж нет, я вам не нянька, - просьба Маркуса присмотреть за его отцом показалась Тору попыткой свалить ответственность на кого-то другого. - Двое взрослых мужчин вполне могут разобраться со своими проблемами сами, так что меня не впутывайте. Когда выберемся отсюда, я сдам вас в больницу и вернусь домой, а вы дальше решайте сами, кто там чего достоин.

Тору закончил обрабатывать раны, убрал все лишнее, сел в угол и прикрыл глаза. Он заметно устал от всей этой кутерьмы и хотел только одного - поскорее вернуться в Китай к своей обычной жизни, где не было места палящему африканскому солнцу и не менее противным дождям, львам и, главное, возни со взрослыми людьми, забывающими о своем возрасте и распускающими сопли там, где нужно было собираться и делать что-то большее, чем рисковать своей жизнью ради близкого человека, что, по правде, Тору оценил, пусть и оставил мысли по этому поводу неозвученными.

Маркус Агирре

Тору продолжил обрабатывать его раны, и Маркус немного морщился от неприятного жжения, когда раствор йода касался областей ран. Ему было больно и неприятно, но он старался больше ничего не говорить. На раздраженные слова Тору он лишь вздохнул и слегка качнул головой. Действительно, Тору не должен заниматься всем этим, он должен жить своей жизнью, не думать о том, что касается кого-то другого. Но отец был дядей Яреци, хотя они никогда не были дружны и почти

не общались. Яреци жила своей жизнью, отец вечно работал, не отдыхал и не приезжал в дом. А Маркус всю жизнь провел в этом особняке, где его никто не любил. Тетка жила в России, а отец всегда работал.

Он должен избавиться от своего прошлого, в котором никогда не было ничего хорошего, но он боялся, что забыв своё прошлое он уничтожит свою историю. Но ведь без прошлого нет будущего. И прошлое делает нас настоящими. Маркус вздохнул, когда Тору сел на стул. Хотелось спать.

- Я принесу вам плед. Здесь холодно ночами бывает, - сказал он и ушел в комнату, где лежал отец. У того была высокая температура, и Маркус сглотнул. Раны воспалились. Он ладонью стер капли пота с его лба и, взяв плед, вернулся к Тору. Протянул ему плед, а сам сел в другом углу и обнял руками согнутые в коленях ноги. Спрятал в них голову и незаметно для себя заснул.

А следующим утром дождь закончился, и к домику приехал Чарльз. Они поместили Рикардо на заднее сиденье автомобиля и уехали.
